

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

И.В. КАТЕРНЫЙ

РЕАЛИЗМ И «ФОРМАЛЬНАЯ» СОЦИОЛОГИЯ: НОВАЯ ПЕРЕСБОРКА СОЦИАЛЬНОГО (о книге И.А. Шмерлиной)

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yarkus@mail.ru).

Аннотация. Проводится теоретический анализ идей, предложенных И.А. Шмерлиной в ее новой книге «Социология социальных форм: пересборка теории» (2022). Автором книги ставится задача реконструировать теоретический каркас социологической традиции, основанной на концептуализации категории «социальной формы». Эта традиция не имеет парадигматического статуса, но, связывая воедино идеи таких авторов, как Г. Зиммель, Ф. Теннис, Х. Фрайер, Г. Гурвич, Р. Бхаскар и др., И.А. Шмерлина раскрывает большой эвристический потенциал формальной социологии в объяснении природы социальности. На основе методологии критического реализма и данных социобиологии представлена целостная картина структурной организации социальной жизни с использованием классических социологических антиномий «общество-индивид», «структура-участие», «макро-микро».

Ключевые слова: социальная форма • реализм • формальная социология • социальная теория • социальность

DOI: 10.31857/S013216250025457-5

Со времен Демокрита с его идеей атомов как материальных (прото)форм бытия стремление человеческого гения к поиску универсальных и примордиальных концептов, объясняющих происхождение всех вещей, видимых и невидимых, на протяжении тысячелетий неумолимо воспроизводит дискурс эссенциализма, требующий обоснования неизменных первородных сущностей или их качеств. Уже Аристотель, переворачивая материальный эссенциализм Демокрита, противопоставляет материю форме, сделав последнюю имманентным источником «чтойности» (субстанции) бытия и подлинным предметом метафизики и каузального анализа. Но и в демокритовской, и в аристотелевской версиях эссенциализм закрепляется в последующем развитии науки как главная цель познания – либо через идею первоэлементов, либо через поиск причинных законов, «природы», «подлинной реальности», «чистых типов» или даже конечных причин. Однако если в естественных науках и даже в теологии такая ориентация познавательного интереса вполне закономерна ввиду признаваемой нетранзитивности (онтологической автохтонности) объекта познания, то в контексте социальности эссенциалистская научность сразу сталкивается с проблемой субъекта, а значит, и гносеологическим проклятием транзитивности (релятивности) познаваемого.

Новая книга И.А. Шмерлиной является еще одним свидетельством того, что проблема научности знания в области социологической теории до сих пор остается напряженной

эпистемической дилеммой, т.к. вопрос онтологии *explanandum*'а здесь каждый раз упирается в герменевтические апории. Как с самого начала утверждает автор, имеющиеся в социологии и субъективистские, и объективистские парадигмы, решая главный онтологический вопрос, дают неудовлетворительные ответы на то, что считать реальным объектом познания – человека или общество. Имея в названии скрытую аллюзию на работу Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» (2005) [2020], автор ставит столь же амбициозную задачу реконцептуализировать эпистемологические основания социологического мышления, но в отличие от Латура не трансформировать их в радикально иную теоретическую плоскость, а скорее воссоздать утраченную целостность социологической теории как дискурса о *реализме* социального.

Неудовлетворенность неизбывным антиномическим характером базового для социологии нарратива, противопоставляющим структуру участию, разрешается автором, возможно, излишне лапидарной констатацией «психологического вырождения» субъект-ориентированных стратегий, не вовлекающих внесубъектные категории анализа. Какие именно теории и подходы здесь имеются в виду, специально не оговаривается, но с учетом текста подготовленной автором докторской диссертации именно они провозглашаются сегодня господствующими в социологии. Однако сам этот тезис, если за ним скрывается спектр конструктивистских и прагматистских идей, так или иначе подчеркивающих рефлексивный или автономный характер акторного и корпорального участия, может быть оспорен ввиду большой разнородности таких концепций (см.: [Лок, Стронг, 2021]). Так или иначе, выбор в пользу социологии социальных форм видится Шмерлиной как оправданный и эпистемологически единственно возможный горизонт имплементации проекта каузального объяснения социального с учетом того, что данное направление «в целом не реализовало свой теоретический потенциал и осталось на периферии социально-научной мысли» (с. 7)¹. Последующие главы и разделы книги разворачивают перед нами широкую картину эвристически богатых и одновременно метонимически ускользающих интерпретаций социальных форм и попытку реконструкции формальной социологии в истории науки на основе собственных авторских обобщений и выводов, несомненно заслуживающих пристального внимания специалистов в области социальной и социологической теории.

Как известно, предшествующим понятию социальной формы в социологии следует считать термин «жизненная форма» (*forma vivendi*), который активно применялся еще в Средневековье для описания образа жизни людей (см.: [Ионин, 2004: 222–224]), а позднее в XIX в. разрабатывался в немецкой неокантианской философии и психологии (Г. Риккерт, Э. Шпранглер). При этом один из основателей философии жизни Г. Риккерт указывал на Г. Зиммеля как наиболее точного выразителя идеи «формы жизни» в его понятиях «более-жизнь» и «более-чем-жизнь» [Риккерт, 1998: 328]. Все, что делали и до сих пор делают социологи в области теории, можно обозначить как движение в сторону экспликации «оформленных» сторон жизни. По сути, «формальность» в социологии как ориентация на поиск реляционных или самотождественных социальных сущностей отражает ее уникальный специфический статус в ряду других социальных наук.

Но изучение социальных форм в рамках формального подхода грозит столкнуться либо с проблемой эпистемологической тавтологии, когда анализ оборачивается максимальной «формализацией» в худшем смысле этого слова, либо с (дескриптивным) выходом за пределы самого понятия, имплицитно стремящегося охватить любые внесубъектные референты. Поэтому методологическая позиция Шмерлиной неизбежно потребовала переопределения границ самой формальной социологии. Семантическое напряжение в самом слове «форма», на которое указывает автор (с. 70–71), где можно выделить внутренне-содержательное и формально-логическое значения, сказывается и на структуре книги, призванной удержать рамки не слишком узкого («содержательного») и не слишком широкого («формального») понимания самого формального подхода в социологии.

¹ Ссылки на рецензируемую книгу приводятся далее в круглых скобках.

Как указывает в заключении автор, изложенные ею идеи и подходы «эксплицируют интуиции, присутствующие в социологии Г. Зиммеля и Н. Элиаса, АСТ и “культурфилософии” Х. Фрайера, “типологической социологии” Г. Гурвича, критическом реализме Р. Бхаскара и М. Арчер» (с. 115). Несомненно, такой подход ближе к содержательному выбору, иначе не объяснить отсутствия некоторых классических идей, имеющих отношение к теме исследования. Фрейм-анализ Бэйтсона-Гофмана, теория полей (от П. Бурдьё до Н. Флигстина и Д. Макадама), теории социального обмена и социальной сети (от Дж. Хоманса до К. Кук), объективирующие элементарные и структурные формы социального поведения – первое, что приходит в голову здесь. Также отметим, что в работе почти не упоминается К. Маркс, который еще до теории общественно-экономических формаций концептуализировал понятие формы, став, на наш взгляд, его научным пионером. Так, еще в рукописной «Немецкой идеологии» (середина 1840-х гг.) речь шла о формах собственности – племенной, античной и феодальной – как прообразах будущих «формаций», а также о «формах общения» (Verkehrsformen) – то, что впоследствии стало называться «производственными отношениями». Этот термин включал в себя и материальное, и духовное общение индивидов, социальных групп и целых стран. Как подчеркивали комментаторы, Маркс и Энгельс в этой работе показывают, что материальное общение, и прежде всего общение людей в процессе производства, является основой всякого иного общения [Маркс, Энгельс, 1955: 590]. В работе же Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», которая является частью «Экономических рукописей 1857–1861 гг.» (Grundrisse), выделялись различные формы общества (общины) на основе соответствующих отношений собственности (античный, азиатский, германский типы) [Маркс, Энгельс, 1968: 461–508]. В итоге поздний марксов концепт формации можно трактовать как историко-материалистическую социальную форму, которая структурируется как институциональный тип и одновременно стадия общественного развития. Однако если предположить, что Маркс не входит в круг интересов автора в рамках формальной социологии, то активное привлечение концептуального аппарата акторно-сетевой теории должно было бы привлечь внимание читателей на теоретическое наследие Г. Тарда, к которому в своих поздних работах обращается и сам Б. Латур. Речь идет о малоизвестной, но уже изданной на русском языке работе Тарда «Монадология и социология» (1893), где представлена оригинальная и, по сути своей, трансцендентальная версия социологии социальных форм, построенная на других концептуальных основаниях, нежели известная нам теория подражания этого французского классика. В качестве элементов изотропной социальности здесь выступают особые взаимопроникающие силы или «сферы действия», обозначенные Тардом как монады, которые, в отличие от лейбницеvских, не герметичны, не атомизированы, а открыты друг другу, образуя среду вселенского масштаба. В итоге любые объекты, включая людей, планеты, молекулы, организмы, можно представить здесь как ассоциацию монад, где нет привычного деления на макро- и микромир, а есть только внутренние отношения взаимного владения «каждого всеми, принимающие самые разнообразные формы» [Тард, 2016: 60]. Социология предстает как самая универсальная наука о мире как об обществе монад. Это та же самая идея социальной формы как «особого рода субъектности», к которой стремится И.А. Шмерлина, но обоснованная другими концептуальными средствами.

В этом смысле, наибольший интерес для развития социологической мысли представляет именно авторская разработка формального подхода с позиции критического реализма, развернутая во второй главе книги. Социальная форма понимается И.А. Шмерлиной как «реализуемый во взаимодействиях инвариантный комплекс позиционных и смысловых (семиотических) отношений» (с. 63). Структурно-социальные формы занимают промежуточное, связующее положение между внешним ресурсным контекстом (возможными диспозициями) и конкретной человеческой деятельностью. Форма «смешивает» реляционные статусные позиции и семиотические значения, выраженные «через соответствующий рисунок поведения и через вещи, несущие агентную или символическую нагрузку» (с. 68). В этом отношении формы существуют в четырех общественных сферах, которые конституируют социальный порядок, – в области

отношений по поводу (материальных) ресурсов, отношений по поводу воспроизводства структуры, отношений по поводу распределения социальных ролей (иерархии) и отношений, направленных на поддержание социального единства, что, как признается автор, воспроизводит классический системный анализ Т. Парсонса. При этом социальная форма трактуется как дискретное внесубъектное образование, каж-дое в отдельности имеющее свои границы и свою собственную телеологию. Чтобы легитимировать специфический подход, автор еще раз прописывает, что понятие «формы» не тождественно понятию «структуры». Если структуру можно разломать на другие (микро)структуры, то сама «форма» определяет целостность и качественную определенность конкретного реляционно-семиотического комплекса, сближаясь с психологическим процессом образования гештальта в восприятии объекта (с. 71–72).

Тем не менее здесь опять возникает вопрос, чем «формы» онтологически отличаются от «фреймов», «полей» и «сетей», где также в той или иной степени задействуются статусно-реляционные и смысловые связи. Очевидно, что проблема в определении онтологического статуса социальной формы возникает из-за нерешенности вопроса о стратификационных уровнях самой изучаемой реальности. Парсонс, в частности, решая этот вопрос, намеренно отказался от понимания теории действия как инструмента открытия содержательных эмпирических закономерностей и занял позицию максимально абстрактного наблюдателя, трансцендирующего изучение конкретных явлений в область сугубо «аналитического реализма» культур-детерминистского типа. Если в своей предыдущей книге «Биологические грани социальности» Шмерлина помещала каузальные комплексы человеческого поведения в «первый» мир природы [Шмерлина, 2013], то в рецензируемой – склоняется к трансцендентальному пониманию человеческих социальных форм, помещая их в «третий мир» К. Поппера, где автономно самоорганизуются реифицированные символические системы (с. 101). Таким образом, классическая проблема типологизации изящно решается автором с точки зрения видовых различий: этологические «природные» формы универсальны для всех социальных животных на контактном эмпирическом уровне (семья, дружба, иерархия и др.), институциональные – специфичны только для человека как надсубъектные «реальные» сущности «третьего мира», обладающие своей собственной феноменологической и каузальной субъектностью. Институты закономерно рассматриваются как сложные идеально-материальные комплексы, включающие идеи, нормы, правила, процедуры, организации, но конкретных примеров, отличных от этологических форм, автор не приводит. Однако, как известно, сам Поппер признавал наличие третьего мира и у животных, в том числе наличие у них языка и институтов (в виде существования паттернов строительства гнезд, нор, плотин, паутин, троп) [Поппер, 2008: 130]. Существуют ли, действительно, институты у животных, требует отдельного рассмотрения, но то, что некоторые виды более социальны (т.е. более сплоченны, иерархичны и альтруистичны), чем человек, уже вполне доказано десятилетиями исследований в области социобиологии [Hölldobler, Wilson, 2008], а значит и социальные формы у них более развиты. Но здесь важнее указать, что попперовская концепция третьего мира редукционистски сказывается на понимании именно человеческих социальных форм. Между первым бессубъектным природным миром и третьим надсубъектным институциональным миром образуется ригидная связь, либо инструментализирующая субъекта действия, либо вовсе элиминирующая субъективно-интенциональное измерение из замкнутого круга семиотического автопойезиса. Выводя субъекта из мира институтов и социальных форм в целом (во внешнюю среду), автор, на наш взгляд, упирается в типичную функционалистскую проблему – как объяснять аффективные и креативные действия, девиации, риски, травмы и устойчивое существование бастардных (немодалных) [Хьюз, 2009] и неформальных институтов. Неспроста И.А. Шмерлина подчеркивает, что, например, коррупция – это не совсем институт, т.к. она нелегитимна с точки зрения доминирующих ценностей [Шмерлина, 2016], а дружба и любовь вообще не институты, поскольку «не сопряжены с ресурсами» (с. 97). Однако что касается дружды, то известно, что в античности дружеские отношения устанавливались в ритуально-обрядовой форме, были связаны

реципрокными обязательствами и даже имели правовые последствия для самих друзей и третьих лиц (например, рабов), а позднее нашли организационное воплощение в институте «*amici Augustini*» (друзья принцепса) – прообразе императорского двора (см.: [Дождев, 1996: 135–159]). В рамках структурного подхода дружба в социологии также может анализироваться как социальная организация, имеющая социальную форму (*shape*) т.н. промежуточного (интерстициального) института со своими особыми связями (зависимостями), внутренней структурой (аффективной, лидерской, коммуникационной) и собственной культурой (от норм взаимности до дружеских неологизмов) (см.: [McCall et al., 2010]). Любовь же как сфера интимных отношений также исторически эволюционирует с институциональной точки зрения. Э. Гидденс, в частности, напрямую трактует модернизированную интимность как разновидность демократии на основе институционализации принципа автономии в сфере сексуальных, дружеских и родственных отношений [Гидденс, 2004]. С другой стороны, история России (как и ее современность) наглядно показывают, как целые институты (государство и др.) могут оказываться во власти персоналистских режимов, наделяющих индивидуальных субъектов институциональными чертами.

Для обоснования рационально-умеренной позиции в рамках реалистской программы исследования более релевантным по сравнению с попперовским подходом была бы, на наш взгляд, актуализация именно концепции трех миров Р. Бхаскара, на которого также опирается И.А. Шмерлина, но, скорее, в трактовке М. Арчер. В оригинальном виде сама сфера постигаемой действительности у Бхаскара предполагает три онтологических уровня – «реальное», «актуальное» и эмпирическое» [Bhaskar, 2008: 2]. Последний включает в себя индивидуальный переживаемый опыт, второй – независимые от сознания события, объекты, вещи, а первый – каузальные механизмы (законы), выявляемые наукой. Институты, как и общество в целом, здесь не принадлежат сугубо трансцендентальной сфере «реального», но, скорее, пронизывают все уровни. Как писал сам Бхаскар, «общество не существует независимо от человеческой деятельности (ошибка реификации). Но оно и не продукт ее (ошибка волюнтаризма)» [Бхаскар, 1991: 229]. Предсуществующие социальные формы реализуются не сами по себе, а в практике их производства людьми, сознательно преобразующими социальные условия своего существования внутри, а не снаружи институтов, хотя сами институты не сводятся к людям. Другими словами, идеи и представления людей о сути своей деятельности неотделимы от институциональных социальных форм. И эта позиция не является конструктивистской, так как разделяется «критическим натуралистом» Бхаскаром, как он себя называл. Не случайно сам английский философ постоянно обращался к наследию Маркса, в котором видел первый образчик социологии социальных форм как исторически и практически фундированной науки.

Идея о том, что общество на уровне социальности не состоит из людей, а, скорее, люди состоят из общества (социальных и социобиологических структур), является важным достижением социологической реалистской мысли, но будущее реализма, на наш взгляд, не в новом движении в сторону парсонсианского эссенциализма, неизбежно ведущего к подмене онтологии эпистемологией, но в учете ситуативных, когнитивных и корпоральных аспектов социальности. Примером этому является теория полей Н. Флигстина и Д. Макадама, в которой анализируется связь социальных навыков индивидов к стратегическому (квалифицированному) действию на микроуровне с их встроенностью в различные социальные поля на макроуровне, выступающие как система взаимосвязанных институтов [Флигстин, Макадам, 2022].

В свое время Р. Мертон, критикуя Парсонса, писал, что время для создания гранд-теорий в социологии еще не пришло, но с тех пор было представлено достаточно макро-социологических идей, общим местом которых является стремление к обоснованию интегральных концепций социального на стыке герменевтического и нормативного, культурцентристского и биологического подходов. Свой вклад в этом направлении делает и И.А. Шмерлина, что особенно отрадно в ситуации поколенческого разрыва в российской теоретической социологии. Новую монографию И.А. Шмерлиной отличает не только

глубина и систематичность проработанного материала, как и все ее работы, но и интеллектуальная смелость, направленная на разгребание тяжелых концептуальных завалов в социологии и воодушевляющая не только автора, но и читателя бросать вызов идеям классиков и современников теории, тем самым не давая забывать, что социология – еще молодая наука, требующая не благоговейного признания заслуг и теоретического успокоения, а, наоборот, постоянных усилий по ее перенастройке, пересборке и движению вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос / Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
- Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. М.: ИГП РАН, 1996.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: уч. пос. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2014.
- Лок Э., Стронг Т. Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика / Пер. с англ. М.: ВЦИОМ, 2021.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 461–508.
- Поппер К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия / Пер. с англ. М.: ЛКИ, 2008.
- Риккерт Г. Философия жизни / Пер. с нем. Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998.
- Тард Г. Монадология и социология / Пер. с фр. М.: Гиле Пресс, 2016.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2022.
- Хьюз Э.Ч. Незаконнорожденные институты // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 3 (№ 50–51). С. 55–62.
- Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Шмерлина И.А. Corruption as a diffuse institute // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 11(67). С. 248–277. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-248-277.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Bhaskar R. A Realist Theory of Science. London, New York: Routledge, 2008.
- Hölldobler B.E., Wilson O. The Superorganism: The Beauty, Elegance, and Strangeness of Insect Societies. New York: W.W. Norton & Co., 2008.
- McCall George J., McCall M.M., Denzin N.K. et al. Friendship as a Social Institution. London, New York: Routledge, 2010 (1970).

REALISM AND “FORMAL” SOCIOLOGY: A NEW REASSEMBLY OF THE SOCIAL (reflecting on a book of I.A. Shmerlina)

KATERNYI I.V.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology, MGIMO University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yarkus@mail.ru).

Abstract. A theoretical inquiry into the ideas proposed by Irina A. Shmerlina in her new book “The Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory” (2022) is provided. The author of the book pursues theoretical reframing the sociological tradition based on elaborating the category of “social form”. This perspective has no accredited paradigmatic status as a whole, but by reviving and reassembling theoretical contribution by G. Simmel, F. Tönnies, H. Freyer, G. Gurvitch, R. Bhaskar and others, Irina A. Shmerlina reveals the promising heuristic potential of “formal” sociology in explaining the nature of the social. Grounded on the methodology of critical realism and research in the field of sociobiology, the book develops a comprehensive view on the structural organization of social life, thus attempting at resolving the classical sociological antinomies “society-individual”, “structure-agency”, “macro-micro”.

Keywords: social form, realism, formal sociology, social theory, the social.

REFERENCES

- Bhaskar R. (1991) *Societies* (from Bhaskar R. (1979) *The Possibility of Naturalism* (ch. 2). Brighton: Harvester Press). *Sotsio-Logos*. Moscow: Progress: 219–240. (In Russ.)
- Bhaskar R. (2008) *A Realist Theory of Science*. London, New York: Routledge.
- Dojdev D.V. (1996) *Basis for the Protection of Possession in Roman Law*. Moscow: IGP RAN. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Hölldobler B.E., Wilson O. (2008) *The Superorganism: The Beauty, Elegance, and Strangeness of Insect Societies*. New York: W.W. Norton & Co.
- Hughes E.C. (2009) *Bastard Institutions* (from Hughes E.C. (1971) *The Sociological Eye: Selected Papers*. N.Y.: Routledge. P. 98–105). *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. XI. Iss. 3. No. 50–51: 55–62. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2004) *Sociology of Culture*. 4th ed. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Lock A., Strong T. (2021) *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Marx K. (1968) *Forms which Precede Capitalist Production*. In: Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: Politizdat. Vol. 46. P. 1: 461–508. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) *The German Ideology*. In: Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: Politizdat. Vol. 3: 7–544. (In Russ.)
- McCall G.J., McCall M.M., Denzin N.K. et al. (2010 (1970)) *Friendship as a Social Institution*. London, New York: Routledge.
- Popper K.R. (2008) *Knowledge and the Body-Mind Problem*. Moscow: LKI. (In Russ.)
- Rickert H. (1998) *Die Philosophie des Lebens*. Kyiv: Nika-Centr, Vist-S. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2013) *Biological Facets of Sociality: Essays on the Natural Prerequisites of Human Social Behavior*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2016) *Corruption as a Diffuse Institute. Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern studies of social problems (e-journal)]. No. 11(67): 248–277. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-248-277. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Tarde G. (2016) *Monadologie et sociologie*. Moscow: Gile Press. (In Russ.)